

А. Д. Евсюгин

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ НЕНЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В ненецких стойбищах на европейском Севере в XIX — начале XX в. широко бытовали различные свадебные обряды, характер которых был тесно связан с кочевым образом жизни обитателей тундры и их основным занятием — оленеводством.

Первым шагом к заключению брачного союза был выбор родителями жениха свата — *нэву* и его помощника — *ясавэя*. Сватами могли стать любые родственники со стороны отца: замужняя женщина, холостой или вдовый мужчина. В последнем случае свата должна была сопровождать замужняя женщина (например, мать или сестра жениха). Когда отец жениха имел основания сомневаться в успехе сватовства, он приглашал в качестве свата шамана — *тадебя*.

Сват получал от отца жениха определенные полномочия и имел право предлагать выкуп за невесту. В чум отца невесты сват входил с посохом в руках и становился у двери, изображая старого человека. Посохом могли служить *па* — крюк для подвешивания котла, шомпол, обломок хорея; в Большеземельской тундре — *ядабць* — обшитый мехом специальный посох с привязанным к нему колокольчиком. Войдя в чум, сват, ни слова не говоря, набрасывал на руки отцу невесты шкуру чернобурой лисицы. Принятие подарка означало согласие на брак. Палочка, молча вложенная в руки свату, означала отказ. Существовали и другие формы отказа свату, например, отец невесты просто выходил из чума. Через некоторое время мать невесты сообщала свату, продолжавшему стоять в той же позе, что ее муж уехал в другое стойбище. Иные родители, давая понять, что не желают разговаривать, гасили светильники. Если сват был настойчив, то чтобы избавиться от него, отец невесты запрашивал слишком высокий выкуп. Если и это не помогало, отец невесты произносил: «Хуркари цея» — «Не согласен», после чего недовольный сват выходил из чума со словами: «Ноги нашей больше у вас не будет».

При согласии на брак отец невесты начинал беседу первым и говорил примерно следующее: «Коли вы не сват, то рядом садитесь, гостем будете!». *Нэву* отвечал, что приехал сватать дочь хозяина, называл отца жениха и осведомлялся, не опоздали ли сваты. Отец невесты в знак согласия на замужество дочери брал из рук свата посох и ставил его на почетное место. Затем все приехавшие приглашались в чум.

Описанный обряд сватовства при сходстве основных элементов мог несколько варьироваться у разных групп ненцев. В Большеземельской тундре сват, войдя в чум отца невесты, некоторое время молча стоял у дверей, опираясь на *па*. Затем он сообщал, кем послан, вручал шкуру лисицы и также без слов уезжал. Если подарок принимался, т. е. дава-

лось согласие на брак, сват с женой, отец и мать жениха, а иногда и сам жених ехали договариваться о выкупе и приданом. Вместо па сват брал деревянную бирку и, войдя первым в чум, подавал ее отцу невесты. Тот делал на бирке зарубки, означающие размер выкупа — *мир* за невесту и возвращал ее свату, отдававшему бирку отцу жениха, который срезал лишние, по его мнению, зарубки. Затем нэву снова шел к отцу невесты, чтобы передать ему условия стороны жениха. Вся церемония происходила в полном безмолвии. Достигнув соглашения, отцы жениха и невесты на концах бирки вырезали каждый свое родовое клеймо, а бирку раскалывали надвое: одна половина оставалась у отца невесты, другая у свата, для проверки уплаты выкупа (олений, пушнины, сукна, денег). Когда договор был скреплен, родня жениха приглашалась в чум невесты для угощения¹. Во время сватовства невеста обычно лежала в чуме в углу, накрытая шубой матери, и слышала все разговоры.

На полуострове Канин к упряжке нэву часто привязывали предназначенного в подарок отцу невесты оленя-быка, которого украшали попной — *ной еиня* из цветного сукна и ошейником с колокольчиком. Невесте сват дарил золотое кольцо и шерстяной или гарусный пояс. Через некоторое время в чум жениха приезжали родители невесты. Мать невесты получала от отца жениха в подарок новую меховую шубу — *паны*. После этого вопрос о бракосочетании считался окончательно решенным. Отцы скрепляли договор о брачном союзе детей рукопожатием, а сват разнимал их руки ударом своей руки снизу вверх.

Размер выкупа за невесту определялся ее молодостью, красотой, достатком отца и часто был довольно значителен. Богатые оленеводы требовали до 200 оленей, 40—50 шкурок песца, шкурки лисиц, бобров, 20—30 метров сукна (зеленого, желтого, красного), деньги. Многие бедняки не могли жениться, потому что им не под силу был и гораздо более скромный выкуп.

После завершения сватовства начинались приготовления к *тюне* — свадьбе. Отец жениха, получив от отца невесты известие, что к свадьбе все готово, рассылал по соседним стойбищам нарочных на оленьих упряжках — приглашать на свадьбу родных и знакомых. Родители объявляли сыну о своем решении женить его, сообщали имя отца невесты и день выезда на свадьбу. Как правило, вопрос о браке решали родители; согласия жениха и невесты не требовалось.

В назначенный день прибывали одетые по-праздничному родственники и гости. Красочной одеждой выделялся жених — *нелеванда*. На нем была новая малица из шкуры оленя, маличная рубаха из зеленого сукна с окантовкой красным сукном по подолу и обшлагам рукавов, новая шапка, отделанная цветным сукном; пимы были украшены подвязками и кистями; накрест через плечо была перекинута шелковая полоска яркой материи. Мать жениха в красивой новой шубе ехала на нартах, в которые были запряжены белые, с ветвистыми рогами олени, покрытые опускавшимися почти до земли попонами из трехцветного сукна. Уздечки были убраны кистями из крашеной ровдуги с костяными украшениями из моржовой кости; нарты были обтянуты цветным сукном, закрепленным гарусным цветным поясом. Нарядной оленьей упряжке, обязательно новой, прочной придавалось большое значение. Ее поломка во время свадебной поездки считалась дурной приметой, предвещавшей неблагополучие в жизни молодых и даже смерть одного из супругов.

Первым ехал ясавэй, за ним — нэву, в нартах у которого справа сидел жених (жениху не полагалось ничего делать, даже править оленьими). Далее следовали на отдельных оленьих упряжках отец и мать же-

¹ О подобных обрядах сватовства и о браке у ненцев см.: В. И с л а в и н, Самоеды в домашнем и общественном быту, СПб., 1847, стр. 125—132.

ниха, а за ними — остальные гости в соответствии со степенью родства и занимаемым положением.

Не доехав до чума невесты метров семьсот, свадебная процессия останавливалась на видном месте. Отец невесты поднимал на хорее трехцветный флаг, сшитый из тонкого сукна, а затем вместе с женой и другими родственниками (до 6 человек) выезжал навстречу процессии. Сделав вокруг приехавших три круга по направлению движения солнца, он останавливал упряжку. Первым из саней выходил кто-нибудь из близких родственников невесты и здоровался за руку сначала с женихом, которого поздравлял с вступлением в брак, а затем с отцом жениха и другими мужчинами. Начиналось угощение. Встречавшие привозили вареное и сырое мясо, копченую грудинку, свежую и соленую рыбу, пряники, сушки, вино в специальном деревянном бочонке — *пя хор*. Вино черпали деревянным ковшом — *ярако*. Первый ковш подавался нэву, второй — жениху, потом — всем остальным. Родственники жениха оставались в санях, куда им подносили угощение (мужчины — мужчинам, женщины — женщинам) с учетом степени родства, положения и богатства. Затем отец невесты приглашал всех к себе в чум. Наступал ответственный момент свадебной церемонии. От него зависело пойдет свадьба своим чередом или расстроится.

Гостей встречали у чума невесты, где совершался обряд ловли оленьих упряжек, на которых прибыла родня жениха. Все приехавшие с женихом делали три почетных круга (по солнцу) вокруг чума невесты. Впереди — ясавэй, за ним нэву с женихом. Стоявшая среди родственников невесты пожилая женщина махала вслед оленьим упряжкам флагом из красного сукна, приговаривая пожелания счастья молодым и добрых родственных отношений обеим семьям. Родные невесты должны были поймать за вожжу передового (крайнего слева) оленя и на полном скаку остановить оленью упряжку. Мужчины ловили мужские упряжки, женщины — женские. Упряжку нэву с женихом полагалось остановить, прежде чем она сделает три круга (каждый круг отмечался холостым выстрелом в воздух, допускалось применение аркана — *тынзей*). Если за положенное время остановить упряжку не удавалось, сват прекращал езду и громогласно заявлял: «Вы не сумели нас остановить — невесту берем без выкупа», и отъезжал в сторону. Тогда родственники невесты подходили к упряжке, просили не гневаться, свадьбу не расстраивать и вручали свату и жениху подарки за удаль и ловкость.

Нерасторопность родственников невесты иногда приводила к тому, что разочарованный жених уезжал. Так же могла поступить и его мать. За повернувшими назад санями нэву с женихом или матери жениха тянулась вся процессия — свадьба расстраивалась. Это считалось позором для родных невесты и приносило материальный ущерб. Поэтому ловля оленьих упряжек принимала характер упорной, азартной борьбы-игры. Раздетые, вспотевшие родственники невесты, не обращая внимания на мороз, стремительно бегали за оленями, стараясь схватить за вожжу передового. А гости обычно заранее специально тренировали передовых оленей и подбирали сильных пелеев — крайних справа в упряжке.

Пойманные упряжки подводили к чуму и за вожжу передового привязывали: сани свата к «чистым» нартам — *пой-нуту* — со стороны *синякуя*, передней части чума напротив входа (а за ними одну за другой все мужские упряжки), сани матери жениха — к «нечистым» нартам — *сябу* со стороны дверей, а за ними все упряжки женщин. Тем, кто сумел остановить оленей, подносилось угощение. После этого родственники невесты распрягали оленей (мужчины — мужские упряжки, женщины — женские) и отпускали их на выпас в тундру.

Важное место в свадебной церемонии занимала группа обрядов, носившая название *тэмдава* — выкуп двери. Мать невесты приглашала

родственников жениха войти в чум. Нэву брал под руку жениха, подвигал к двери, но как ни старался, не мог ее открыть. Дверь держали изнутри женщины, требуя выкупа. Выкупом служил кусок трехцветного сукна, с привязанным колокольчиком. Приходилось проявить немалую ловкость, чтобы просунуть сукно внутрь чума непременно в щель между *ея* (верхним покрытием чума) и *мюйко* — поднючьем (нижним его покрытием), не выше перекладки, на которой висели чайники и котлы, причем в *мокода* (дымоход) и под *ея* передавать подарок запрещалось; его выбрасывали, если он попадал в чум этим путем. Церемония проходила под шутки и смех, сопровождавшие поиски щели. Дверь открывалась, когда подарок, наконец, попадал по назначению. Тот кто сумел передать его, входил первым, разрывал сукно на ленточки и раздавал женщинам, защищавшим дверь. Мать невесты приглашала гостей отведать парного оленьего мяса с кровью. Это блюдо готовилось во время ловли упряжек и выкупа двери. Со стороны синякуя сажали мужчин и жениха, а у дверей — женщин и невесту. За женихом ухаживал нэву — он резал и подавал ему мясо, за невестой — кто-нибудь из ее ближайших родственников.

После угощения начинались национальные игры у чума и катание на оленях. Затем отец невесты приглашал гостей к свадебному столу. Для празднования богатой свадьбы, на которую съезжалось много гостей, ставился специальный свадебный чум. Первой в него вводили невесту: ее сажали на середине чума на белую оленью шкуру лицом в сторону синякуя. Поэтому нэву под руку вводил жениха и усаживал его на той же шкуре, вплотную к спине невесты. Таким образом, во время свадебного пира жених и невеста не могли видеть лиц друг друга. Входящих гостей нэву и отец невесты приветствовали рукопожатием. Нэву садился у ног жениха, рядом с женихом — его отец и мать, рядом с невестой — ее родители. Остальные родственники и гости занимали места в соответствии со степенью родства и общественным положением.

Согласно обычаю, жених и невеста за свадебным столом должны были сидеть спокойно, держаться скромно, смотреть только в пол, есть и пить очень умеренно, в соответствии с обычаем. Чай, вино и бульон им подавали в одной посуде. Нэву давал сосуд с жидкостью жениху, тот отпив немного, передавал его невесте, левой рукой, пронося ее под правой. Таким же способом невеста возвращала посуду жениху. Запрещались какие-либо проявления чувств: нельзя было разговаривать между собой, держаться за руки.

Перед началом свадебного застолья двум пожилым людям поручалось наблюдать за поведением жениха и невесты. Недалеко от жениха садился старик (это мог быть и тадеба), поблизости от невесты — пожилая женщина. Оба наблюдателя — *ерабада* в течение всей свадьбы старались быть как можно менее заметными, ели немного, вина не пили совсем.

За столом было оживленно и весело: в адрес молодых произносились поздравления, пожелания, наставления. Издалека привозили известных певцов и рассказчиков. Во время свадебного застолья наряду с обрядовыми свадебными — лирическими и дидактическими (о необходимости трудолюбия, уважения к старшим, соблюдения древних законов и т. п.) пели шуточные песни и песни о реальных исторических героях, боровшихся за счастье своего народа, рассказывали сказки — *вадако*.

Свадебное угощение состояло из оленьего мяса — сырого и жареного на костре, костного мозга из ног оленя, сырой мороженой и соленой рыбы. Каждому в отдельную деревянную миску наливали бульон, который полагалось выпивать через край. Потом подавали горячий крепкий чай с сахаром, сухарями, сушками и топленым коровьим маслом. Вина в первый день свадьбы пили мало — каждый гость по ярако (позже — по рюмке).

Застолье завершалось играми и весельем. Все присутствующие выходили из чума, жениха выводил под руку сват, невесту — одна из близких родственников. Популярна была игра *амдаво*. Участники ее становились в круг, держась руками за веревку. Жених и невеста могли находиться во время игры в разных местах. В середину круга выходил человек с завязанными глазами. Он должен был схватить кого-нибудь из участников игры (мужчина — женщину или девушку). Стоявшие в кругу двигались все вместе, стараясь не дать водящему поймать жертву: они перегруппировывались, двигались то вправо, то влево. Были и другие игры: прыжки в длину, прыжки через нарты, метание топора, тынзая, борьба, игра с мячом, гонки на оленьих упряжках и др.

В чуме в это время собирали ужин. Гости занимали прежние места. Жениху и невесте на особом блюде подавали сердце и язык оленя с пожеланиями дружной и счастливой жизни: теперь у них на двоих одно сердце и один язык. Только после этого обряда, завершавшего первый день свадьбы, гостям разрешалось пить вино вволю. Пока продолжалось праздничное веселье, родители устраивали для новобрачных постель у синякуя. Жених и невеста, в верхней одежде (невеста с поясом на панице) ложились спинами друг к другу, жених лицом к синякую, невеста — лицом к двери.

После окончания свадебной церемонии в чуме невесты начинались приготовления к отъезду в чум жениха. Родители и близкие родственники невесты собирали ее в дорогу, укладывали приданое. Приданое богатой невесты составляло целый караван — *мея мюд*, который вела жена свата. В этот караван входило следующее.

1. Легковые нарядные женские нарты — *не хан* — в них ехала невеста в сопровождении одной из близких родственников. Сопровождающая держала в руках дубовый хорей — *тюр* с медным наконечником — *тюр мал* и железным копьем, на которое были подвешены медные кольца. Сопровождающая невесту родственница не должна была держать в руках вожжи: этим подчеркивалось, что молодой не следует рассчитывать на самостоятельность.

2. Нарты — *вата*, куда грузили меха, сукна, украшения невесты. Эти нарты завязывались специальной длинной веревкой *хурко* из оленьих сухожилий.

3. Нарты — *вандако*, в которых везли всю меховую одежду и запасы меховых шкур.

4. Нарты — *ларь хан* — деревянный водонепроницаемый ящик с крышкой, служивший главным образом для перевозки продуктов: сухарей, круп, сахара, масла, муки, печенья и т. д. Все продукты помещали в отдельную посуду, причем обычай требовал, чтобы она была заполнена доверху. На ларь отец невесты укладывал половину специально заготовленной оленьей туши — яловки.

5. Нарты — *юхуна*, или *юна*, для постельных принадлежностей: перин, подушек, овчинных одеял, обтянутых цветным сукном, циновок из травы — *нутер*, пологов. С обеих сторон к нартам привязывали по важенке.

6. Нарты — *сябу*, предназначавшиеся для «нечистых» предметов таких как *латы* — доски для пола, железные листы для костра, циновки — *хунер* из березовых прутьев, тазы, ведра, женская обувь. Сверху нарт грузили целый ея или его половину.

7. Нарты — *сий тер*, или нуту. Сюда погружали шесты на чум или половину чума, чайники, крюки, ящики с посудой, предметы религиозного христианского культа, а сверху — подночье — мюйко.

Из приданого невесты мать оставляла в родном чуме только *пады* — суконный мешок с одеждой и обувью. По обычаю дочь с мужем после свадьбы должны были приехать в гости к отцу и матери специально за пады.

В мея мюд запрягали 16—20 оленей-быков, которые оставались у молодоженов. Однако на ушах оленей сохранялось родовое или семейное клеймо отца невесты.

Убранство самых нарядных женских нарт — нарт невесты — было традиционным для праздничной упряжки ненцев. Сходные детали украшений мы находим, к примеру, в упряжке матери жениха. Оленей, от передового до пелея, покрывали попоной — ной иня, на шею каждому из них подвешивали медный колокольчик на ошейнике из цветного сукна. Уздечки украшали плетеными замшевыми кистями — *ямде* красного цвета; на костяных деталях уздечки — медные подвески, иногда из медной цепочки. На нащепях нарт — плетеные из красной ровдуги кисти, у первого копыла нарт справа — медный колокольчик; все копылья обтягивали зеленым и красным сукном, верхнюю дощатую часть — сукном разных цветов. Изнутри нарты устилали оленьей шкурой. Обычай не позволял, чтобы нарты невесты в полном убранстве были открыты, поэтому сверху на них набрасывали легкий яркий шелк.

Когда невеста была готова к отъезду, сват под руку подводил к ней жениха и предлагал им помолиться перед христианской иконой, затем вручал жениху ковригу хлеба, а тот передавал ее невесте. Теперь жениху полагалось поцеловать невесту. После поздравлений и добрых напутствий обоих отцов жених в сопровождении родителей под руку вел невесту к нартам. При выходе из чума родственники невесты принимали у нее ковригу хлеба. Отец брал дочь на руки и бережно клал на бок в нарты, на оленью шкуру. Затем невесту накрывали цветным сукном, а отец произносил: «Ты теперь не наша дочь, ты выдана замуж. Люби мужа, живите дружно, слушайся старших». Нэву приглашал родственников и гостей невесты на свадьбу в чум жениха.

Свадебный поезд составлялся следующим образом: первым ехал ясавэй, за ним нэву с женихом, потом жена нэву с невестой, а затем мать и отец жениха на отдельных нартах каждый, за ними все остальные гости. Обряды, связанные с отъездом, приближением к чуму, встречей, были аналогичны тем, которые совершались во время поездки родни жениха к невесте. Отец невесты, провожая новобрачных и гостей, поднимал трехцветный флаг из сукна и махал им вслед упряжкам, которые делали три прощальных круга (по солнцу) вокруг чума невесты, после каждого круга производился выстрел. Недалеко от чума жениха свадебный поезд останавливался, отец невесты снова поднимал флаг — теперь это был знак, что свадебная процессия ждет приглашения и угощения. Мать и отец жениха, не останавливаясь, ехали в чум и привозили угощение. Теперь уже сторона жениха делала три почетных круга по солнцу вокруг гостей. Затем следовало угощение, причем вино подносили только мужчинам. Отец жениха приглашал всех в гости.

Веселая, быстрая езда вокруг чума жениха (по солнцу, с тремя холостыми выстрелами после каждого круга), ловля оленьих упряжек — все происходило так же, как у чума невесты. Старались, чтобы не опрокинулись сани невесты и не случилось какой-нибудь поломки — это считалось плохим знаком.

Соблюдался такой же, как и у чума невесты, порядок в привязывании нарт. Только женские упряжки здесь привязывали к саням жены нэву, а не матери жениха. Сани невесты и двух важенков ясавэй привязывал к саням нэву и жениха. При этом он произносил, обращаясь к жениху: «Я привел тебе сани, а в них — невесту. Прими ее, и живите счастливо». Весь мея мюд невесты привязывали к нартам сябу.

Жених должен был сам выпрячь всех оленей и отпустить их на выпас. Упряжь надо было аккуратно сложить на санях, чтобы она не волочилась по земле и не упала, так как, по поверью, это сулило новобрачным несчастье, означая, что невесту берут не по любви. Если жени-

ху не везло и он упускал упряжь, родные приглашали тадебя принести жертву *тадебциям* — шаманским духам — для предотвращения беды. За работой жениха следили двое наблюдателей, оценивая его умение и сноровку в хозяйстве. Затем жена свата и сопровождающая женщина открывали и сажали невесту. Родственники жениха с соблюдением тех же правил, что и у чума невесты, обносили всех вином. Нэву подавали на подносе две рюмки вина. Он брал за руку жениха, подводил его к невесте и подавал ему рюмку, предлагая угостить невесту и поцеловать ее. После этого нэву протягивал вино сопровождающей невесту родственнице.

Затем гостей угощали парным оленьим мясом, после чего их приглашали в чум за свадебный стол. Жених под руку вводил невесту, родные жениха — под руку родных невесты (мужчины — мужчин, женщины — женщин). Новобрачные сидели рядом на почетных местах, теперь уже разрешалось, чтобы их лица были обращены в одну сторону. Гости рассаживались опять по степени родства, общественному и имущественному положению. Жених и невеста соблюдали тот же ритуал, как во время первого застолья, но жених сам мог брать со стола все, что пожелает.

На второй день свадьбы в чуме жениха невеста должна была угощать всех припасами, привезенными из дома. Она обносила гостей, а те в ответ дарили ей подарки — украшения, деньги, цветное сукно, а иные обещали олений-быков, важенков, сыриц (важенков-первотелок).

Потом все выходили из чума, начиналось веселье, катание на оленях, национальные игры. Нэву на санках возил жениха и невесту вокруг чума по направлению движения солнца, но ловить упряжку уже не полагалось. Во время игры амдавко жениху, согласно древнему обычаю нельзя было ловить другую девушку. Если это случалось, игру прекращали. На четвертый день для молодых готовили брачную постель.

В последний день устраивали специальный стол для угощения наблюдателей, следивших за выполнением свадебных обрядов. Отец жениха благодарил нэву за усердную службу и вознаграждал его несколькими оленями (4—5 голов), мясом, оленьими шкурами, сухожилиями, цветным сукном, *камусами* (оленьи лапки, белые и темные, служившие для украшения паницы).

Отец и мать невесты, уезжая, напоминали, что ждут молодоженов к себе в гости за пады. Эту поездку новобрачные совершали примерно через неделю после свадьбы вместе со свекром и свекровью, каждая пара на отдельной упряжке. Вручая пады, тесть и теща просили зятя называть их отцом и матерью. Богатый отец дарил дочери меховую шубу, пимы, а брат дарил сестре женские нарты с упряжью и перстень. Дочь, выданная замуж, в семье мужа в течение пяти лет носила одежду и обувь, полученную в приданое. По существовавшим обычаям, она могла посещать родителей только один раз в год.

Молодым, уехавшим за пады, не полагалось по возвращении входить в чум, если он стоял на прежнем месте, а тем более ночевать в нем, — это считалось большим грехом и предвещало им несчастье. Поэтому сразу после отъезда молодых чум вместе со всем хозяйством перекочевывал на новое место.

Со временем, под влиянием общения с русскими в описанных обрядах, связанных со сватовством и свадьбой, произошли изменения, однако в целом ненецкая свадьба сохранила яркий национальный колорит.